

«ЧЕЛОВЕК ГЕДОНИСТИЧЕСКИЙ» В АСПЕКТЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ СУЩНОСТНЫХ ОБРАЗОВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В статье рассматривается чувство и переживание человеком удовольствия как инструмент для реконструкции его сущностной природы в форме специального конструкта — «человека гедонистического». Переживание удовольствия выступает в качестве необходимого компонента, участвовавший в генезисе происхождения человека, его сознания и культуры. Феномен удовольствия выходит за рамки собственно психологических и этических интерпретаций, выступая в настоящее время как центральная характеристика бытия человека, социальных и культурных процессов, ценностного поля современного общества. В статье анализируются ценности культуры, обусловленные испытаниями и переживаниями удовольствия, последствия актуализации гедонистических артефактов в обществе, формы их трансляции и прочтения.

Методологической базой исследований выступают работы в области феноменологии, философской антропологии, философии культуры, приводятся психоаналитические, феноменологические, постмодернистские подходы и интерпретации феномена удовольствия.

Рассматривается преломление гедонистической аксиологии применительно к российским реалиям. Конструкт «человека гедонистического» в статье вводится по аналогии с иными определениями, раскрывающими сущностную природу человека — человек «разумный», «трудящийся», «играющий», «смеющийся», «стыдящийся» и т.д.

Ключевые слова: потребительское общество, сущностные определения человека, российское ценностное сознание, эмоции, происхождение человека, феноменология сознания, сексуальность, удовольствие, гедонистические ценности, ценности культуры.

Философия XX века изобиловала обращениями к теме человека. Именно на этот период пришелся, казалось бы, «странный» антропологический поворот: человек стал интересен сам себе, вне зависимости от конкретных образцов его деятельности или творчества. Хотя, очевидно, объект исследования «человек» — сам для себя — оказывается наиболее доступен и очевиден. Именно в XX веке появляются многочисленные сущностные конструкции человеческой природы: человек «играющий», «символизирующий», «сексуальный», в отечественной философской литературе в настоящее время создается ряд таких построений — человек «экстатизирующий», «смеющийся», «стыдящийся» и пр. Все их можно рассматривать как разновидность Логоса о человеческом существовании, через которые репрезентируется человек и его культурная ситуа-

ция, то, что создает определенное проблемное поле и позволяет увидеть человека и одновременно выразить существующие тенденции в новом свете. В настоящей статье рассматривается тот ракурс видения человека, который может быть обозначен в виде бинарности «удовольствие-неудовольствие», а также те культурные формы, внутри которых возникает и в которых проявляется (особенно в настоящее время) данная оппозиция. Форма исследования человека в данном ракурсе — «человек гедонистический», хотя речь идет именно о связке «удовольствие-страдание», о том, что данные феномены оказываются взаимообусловленными.

«Человек, испытующий удовольствие», «человек сексуальный» — конструкты, возникшие в начале XX века под непосредственным влиянием психоанализа и позволившие обнаружить (и обозначить в теоретической форме) те грани че-

ловеческого существования, которые до этого существовали скорее в скрытой, латентной форме. Говоря словами М. Фуко, феномен удовольствия оказался проблематизированным¹: подобно тому как в предыдущие эпохи человек знал себя существом, способным верить, познавать, быть творческим, справедливым, агрессивным, с этого периода возникает специфический дискурс (отраженный как в культуре — в виде многочисленных артефактов, так и в теоретических конструкциях философии и психологии), ставящий и осмысливающий человеческое существование под углом зрения гедонистических атрибутов. Последствия данных идей — благие или отрицательные (автор склоняется к тому, что благих все же больше — если оставить в стороне предельно дискуссионный вопрос о последствиях философских теорий вообще — насколько «повинны», например, в развязывании мировых конфликтов отдельные идеи Гегеля или Ницше) всем известны. Это — феномен конsumerистской, или потребительской, культуры, сексуальная революция и связанные с ней многочисленные явления — от изобретения презервативов до социальной кодификации отдельных форм половой жизни, культ сексуальности, молодости и т.д., это и рождение автономного индивида, чьим существенным признаком оказывается «забота о себе» (М. Фуко), понятие гедонизма, в том числе в аспекте лозунга «бери от жизни все», и многочисленные этические нарекания в связи с этим. Все эти явления, сущностная близость которых далеко не всегда очевидна, имеет смысл объединять посредством концепта «человека гедонистического», который означает некую общую, наиболее актуализированную в настоящий момент тенденцию человеческого существования и тенденцию культуры, способ видения человека, требующий своего анализа. В настоящей статье рассматриваются некоторые аспекты теоретических взглядов, исходя из которых человеческое существование понимается как «бытие в удовольствии».

Проблема «человека в удовольствии», т.е. места и роли, которые в человеческой жизни имеет испытание и переживание удовольствия, можно рассматривать применительно к разным аспектам и эпифеноменам человеческой природы. Нами будут кратко рассмотрены некоторые из них: проблема происхождения человека, некоторые сущностные стороны сознания и познания, струк-

турная и ценностная организация культуры. Во всех них можно проследить гедонистическую составляющую, т.е. объяснять их посредством стремления к испытанию и переживанию удовольствия, в обусловленности этим переживанием.

Происхождение человека. В этом, казалось бы, далеко от темы вопросе оказывается достаточно много гедонистических объяснительных составляющих, обычно упускаемых из виду, однако имеющих в ряде концепций. Как известно, вопрос происхождения человека был и остаётся одним из самых дискуссионных, выходящих за рамки собственно исторических вопросов и проблем, фактологических данных. Одна из причин последнего кроется в гуманистической направленности: что и как, в каких терминах человек думает о себе самом, какие факты он готов в большей или меньшей степени принимать в связи с этим.

Ю.М. Бородай в своих работах (в частности, «От фантазии к реальности») затрагивает ряд фактов, позволяющих нетривиально рассматривать генезис человеческой природы. Почему первой «одеждой» человека оказалась набедренная повязка, почему отнюдь не всегда древние стоянки человека и формы первобытной культуры сопровождали те или иные деятельностные или трудовые артефакты, но всегда — культовые, религиозные предметы и символы? Действительно ли труд «создал» человека, насколько он был первичен, и насколько именно мотивацией к труду можно объяснить генезис человеческой природы и сознания? По мнению Ю. Бородая, первичным звеном в выделении человека из животного мира стало возникновение специфических форм нравственного регулирования в обществе, а внутри них — табу, которые были связаны в первую очередь с регламентацией полового поведения. Запреты на инцест, запреты на открытую демонстрацию сексуальности, которая на определенном этапе стала ассоциироваться со страхом смерти (отсюда — набедренная повязка), явления сублимированного и вытесненного, в основе которых лежали сексуальные переживания и которые на определенном этапе привели к появлению сознания (запрещенные сексуальные желания стали выражаться, вытесняться в виде рисунка, образа, слова, т.е. возникало собственно сознательное и бессознательное)². Табуирование и регламентация нравственности освящались рели-

¹ Фуко М. Воля к истине. М.: Магистериум, 1996. С. 274.

² Бородай Ю.М. От фантазии к реальности. М.: Изд-во ИФ РАН, 1995.

гией, которая на ранних этапах существовала преимущественно в форме праздничных экстатических действий. Т.е. иными словами, не труд, но отношение к удовольствию в разных формах — от сексуальности (этому же способствует и библейский миф о грехопадении) до экстаза, ритуала, подразумевающих восторг, эйфорию, энтузиазм — породили и сформировали человека, были ответственны за появление и пробуждение человеческого сознания. Как известно, согласно Библии, именно стыд (половой стыд) был первичным проявлением человеческой природы, сущности, совести и т.д., стыд, по словам В. Соловьёва, есть «онтологическое начало в человеке»³.

В исследовании Ф. Костецкого отмечается, что на ранних этапах существования человека сфера праздника занимала гораздо большее значение и время, нежели чем сфера деятельности и труда как таковых, человек словно бы стремился в этих многочисленных экстатических действиях (танцы, ритмы, любование огнем) вырваться за пределы собственного наличного существования. Экстаз (в том числе сексуальный) подчинялся логике наслаждения, эйфории, и одновременно — страдания, не случайно прообразом и метафорой сущности человека у Ф. Ницше выступил бог Дионис: наслаждающийся и одновременно страдающий бог, ипостась, центральная для характеристики человеческого существования⁴. В качественном и количественном отношении древнего человека заботила не только и не столько трудовая деятельность, сколько чувства, эмоции, восходящие к сексуальным и агрессивным проявлениям природы (Фрейдовским инстинктам Эроса и Танатоса), т.е. в некотором смысле человека стоит объяснять через сферу эмоций, метаморфоз, происходящих с его сознанием и отражающихся в деятельности. Эта же посылка является исходной при феноменологической реконструкции природы и жизненного мира человека.

Особенности сознания и познания. Познавательная, когнитивная сущность человека выступает центральной для его характеристики со времён эпохи нового времени и с этого же времени рассматривается как нечто противоположное чувствам, эмоциям, оценкам и т.д. Вместе с тем, по словам, Ю. Мирошникова, «все виды сознания в той или

иной мере имеют ценностное содержание, и наука не может быть помещена в разряд исключений», а «источником ценностного сознания служит эмоциональная сфера человека»⁵. В феноменологических и психоаналитических исследованиях (в частности, у Ж. Сартра, М. Мерло-Понти, Л. Бинсвангера), подчеркивается тесная связь эмоций, сводящихся к переживаниям удовольствия и страдания, и познавательных актов человека. В феноменологии интерпретация сознания производится в рамках погружения человека в жизненный мир, в котором эмоционально-волевые и когнитивные стороны оказываются тесно переплетёнными, не мыслятся одно без другого.

Взаимосвязь познания и чувств удовольствия-страдания можно было бы интерпретировать как проблему «истины и удовольствия»⁶. Данная проблема восходит ещё к Платону, к диалогам, посвящённым интерпретации истины как непотаённости бытия. Знаменитая платоновская притча о пещере из 7-й книги «Государства», в которой истинная сущность вещей предстает в виде отражённых теней, в диалоге «Филеб» развивается до концепции взаимосвязи истины и удовольствия, истины, рассматриваемой как открытость, непотаённость бытия. Непотаённость оказывается связанной с феноменом удовольствия как оче-видного, предвкушения (пред-видения) события или явления, здесь же — феномен радости. Радость, как пишет Г. Гадамер, «это не просто какое-либо состояние или чувство, а способ делать мир очевидным. Радость определяется исходя из открытости сущего в его радостности. Но поскольку сущее открывается как радостное для ..., вместе с ним открывается и само человеческое бытие в его затронутости миром»⁷. В удовольствии мир оказывается оче-виден, открыт, т.е. доступен в ином, истинном свете. В свою очередь страдающий человек, помимо всего прочего, не способен взглянуть на мир свободно, объ-ективно (буквальное прочтение с латинского данного термина означает нахождение «над» чем-то, т.е. воспарение, выход, фактически тот же экстаз, но в ином контексте понимаемый), в страдании наблюдается «прикован-

³ Баженов М.В. Бытие стыда (стыд в человеке, человек в стыде). Ижевск: Изд-во ИЖГТУ, 2009. С. 46.

⁴ Костецкий В.В. Человек в экстазе. Тюмень: Изд-во Тюменского международного колледжа, 1996. С. 20.

⁵ Мирошников Ю.И. Аксиология: концепция эмотивизма. Екатеринбург: УрО РАН, 2007. С. 13, 79.

⁶ Марков Б.В. Истина и удовольствие // Философия пира: опыт постижения. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. С. 22.

⁷ Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона. СПб, 2000. С. 180.

ность к бытию» (Э. Левинас), невозможность выхода за наличные рамки⁸.

Структурная и ценностная организация культуры. Если познавательную и деятельностную интенциональность человека традиционно раскрывают через категории «цель-результат», «полезное-бесполезное», «истинное-ложное» и др., то культурная составляющая (в самом общем плане, включая многочисленные феномены религии, морали, творчества) всегда конструируется и содержит в себе оппозицию «удовольствие-страдание». Религиозный миф о рае, равно как и коммунистический миф о светлом будущем иллюстрируют гедонистическую нацеленность человеческого существования, констатацию и рефлексию трудности бытия «здесь-теперь». Культура всегда и особенно в стадии цивилизации создавала механизмы выражения гедонистической нацеленности природы человека, последние выстраивались как способ реализации праздничного мироощущения, противопоставленного труду, рациональности. Если на ранних этапах развития сфера праздника находилась внутри религиозного хронотопа и из него произрастала, то с определенного периода пространства праздника приобрели светскую, а в цивилизационной стадии уже противоположную религиозную природу. «Человек гедонистический» в культуре имеет собственную ипостась, функционирующую наряду с человеком «верующим», «духовным», «творящим», «желающим» и т.д.

Современная социокультурная ситуация изобилует обращениями к теме удовольствия. При этом «человек гедонистический» — как конструкт, как форма этического и социокультурного бытия человека, может быть увиден не только и не столько с обложек гламурных журналов, рекламы, образцов кинопродукции, но предстает как общая интенциональность человеческого (мирового) существования, которая набирает обороты и требует своего осмысления и анализа. Удовольствие — многомерный и сложный феномен, на трудность его психологической интерпретации указывал еще З. Фрейд, называя данное переживание «самой темной и недоступной областью психической жизни»⁹. Используя определение другого мыслителя —

Ф. Ницше, интерпретировавшего удовольствие как «плюс чувства власти»¹⁰, можно констатировать теснейшую связь данного феномена с явлениями власти и сексуальности, причем рассматриваемыми как взаимообусловленные и выражающиеся в определенных социальных идеологиях. Традиционный образ гедоника — сибарита, стремящегося к наслаждениям (в еде, питье, женщинах и т.д.) — не более чем этический миф, который в реальности заменяется вполне осязаемыми стратегиями захвата, агрессии, властвования — от политического до морально-эстетического.

Ценность удовольствия в этической системе общества имеет неоднозначные стороны своего воплощения. С одной стороны, её можно рассматривать как антипод войны, закономерный результат мирного существования, перехода человека на новую цивилизационную ступень и измерения. Но с другой стороны, удовольствие есть лишь часть целостной природы человека, которой всегда были присущи такие качества, как агрессия, насилие, стремление к удовлетворению желаний. Взятые в контексте гедонизма, исходя из него, они способны порождать явления, которые, казалось бы, являются несовместимыми. Это — поставленные на вполне коммерческую основу съёмки военных действий, доставляющих наслаждение «зрелища смерти», это не столь давний неологизм «цунами-шоу», сочетание гедонистических и агрессивных стратегий политики, когда бомбёжки мирного населения имеют своей целью не вынужденные экономические или политические санкции, но вполне гедонистические мотивы, заключающиеся в наслаждении от господства, установления своего проекта мирового порядка. Имеет смысл в этой связи процитировать С. Жижека: «В условиях позднего капитализма наша эмоциональная жизнь оказывается основательно расколотой: с одной стороны, существует сфера «частной жизни», интимных островков искренних чувств и глубоких привязанностей, которые являются как раз теми помехами, что не позволяют нам увидеть большие проявления страданий; с другой стороны, существует (метафорически и буквально) экран, через который мы ощущаем эти большие страдания, ежедневно засыпаемые телерепортажами об этнических чистках, изнасилованиях, пытках, природных катастрофах, которым мы глубоко сочувствуем и которые иногда подвигают нас принять участие в гуманитарной деятельности... В конечном

⁸ Левинас Э. *Время и другой. Гуманизм другого человека.* СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999. С. 67.

⁹ Фрейд З. *По ту сторону принципа удовольствия* // Фрейд З. *Психология бессознательного.* М.: Просвещение, 1990. С. 382.

¹⁰ Ницше Ф. *Воля к власти.* Казань, 1994. С. 89.

счете плата сохраняет здесь свою фундаментальную функцию, выделенную психоанализом: мы платим деньги, чтобы удержать страдание других на соответствующей дистанции»¹¹.

Гедонизм современной культуры — это та ситуация, когда именно данная сфера выходит на первый план в определениях социального и индивидуального бытия человека, оказывающаяся тождественной расцвету цивилизационной стадии культуры. Это в полной мере касается и российских реалий. Можно сказать, что гедонизм является одной из проблем в ценностном конструировании российского общества, образ конsumerистских, гедонистических ценностей, характерный для Запада, предстаёт здесь в довольно искажённом виде. Насквозь мифологичным является оказывается способ отношения к нему как «корню всех зол», непонимание и невосприятие в тех контекстах, которые приняты в западном сознании. Если лозунги молодежной культуры вроде «Бери от жизни все», хотя и создаваемые не ей самой, а масс-медиа, могут вызывать определенные этические и мировоззренческие в своей сути нарекания, то этого нельзя сказать о незнании и неумении пользоваться благами цивилизации со стороны «богатой» публики, имеющей доступ к финансовым и властным ресурсам. Последняя должна, казалось бы, воплощать положительную сторону «гедонистического образа жизни», однако на деле вызывает все большее отторжение, переносимое на гедонистические ценности

в целом. Речь в данном случае идет о гедонизме в его отрицательных сторонах, о ситуации дефицита смысла и культуры. Проблема гедонистических ценностей в России имеет и определенное психологическое русло, которое может быть рассмотрено как боязнь радости, удовольствия, боязнь открыться миру (Г.Г. Гадамер: «Никогда человеческое бытие не отдается миру так, как в наслаждении»¹²). Либо же боязнь существования вне трудности, задачи, которые помимо всего прочего, включают работу по их преодолению.

Резюмируя вышесказанное, можно сказать, что конструкт «человека гедонистического» является одним из наиболее удачных для характеристики состояния современного человека. Именно в отношении к удовольствию стоит большинство современных социальных практик: с одной стороны, никогда доселе человек не существовал в настолько комфортных условиях (в плане потребления, быта, удобств, возможностей комфортной жизни и т.д.). С другой — наступление «гедонистической эпохи» сопровождалось и сопровождается многочисленными войнами, столкновениями, социальными противоречиями, их можно было бы рассматривать в контексте сосуществования традиционных, модернистских и постмодернистских ценностей. Трансформируется сам образ человека, сфера его целей и ценностей. Отношение к удовольствию, формам и способам его получения — одно из важнейших направлений этой социальной трансформации.

Список литературы:

1. Баженов М.В. Бытие стыда (стыд в человеке, человек в стыде). Ижевск: Изд-во ИжГТУ, 2009.
2. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности. М.: Изд-во ИФ РАН, 1995.
3. Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона. СПб., 2000.
4. Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003.
5. Костецкий В.В. Человек в экстазе. Тюмень: Изд-во Тюменского международного колледжа, 1996.
6. Левинас Э. Время и другой. Гуманизм другого человека. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1999.
7. Марков Б.В. Истина и удовольствие // Философия пира: опыт постижения. СПб: Издательско-торговый дом «Летний сад», 1999. С. 22–26.
8. Мирошников Ю.И. Аксиология: концепция эмотивизма. Екатеринбург: УрО РАН, 2007.
9. Ницше Ф. Воля к власти. Казань, 1994.
10. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1990. С. 382–424.
11. Фуко М. Воля к истине. М.: Магистериум, 1996.

¹¹ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М.: Ad Marginem, 2003. С. 82–83.

¹² Гадамер Г.Г. Диалектическая этика Платона. СПб., 2000. С. 196.

References (transliteration):

1. Bazhenov M.V. Bytie styda (styd v cheloveke, chelovek v styde). Izhevsk: Izd-vo IzhGTU, 2009.
2. Borodai Yu.M. Ot fantazii k real'nosti. M.: Izd-vo IF RAN, 1995.
3. Gadamer G.G. Dialekticheskaya etika Platona. SPb., 2000.
4. Zhizhek S. 13 opytov o Lenine. M.: Ad Marginem, 2003.
5. Kostetskii V.V. Chelovek v ekstaze. Tyumen': Izd-vo Tyumenskogo mezhdunarodnogo kolledzha, 1996.
6. Levinas E. Vremya i drugoi. Gumanizm drugogo cheloveka. SPb.: Vysshaya religiozno-filosofskaya shkola, 1999.
7. Markov B.V. Istina i udovol'stvie // Filosofiya pira: opyt postizheniya. SPb.: Izdatel'sko-torgovyi dom "Letnii sad", 1999. S. 22–26.
8. Miroshnikov Yu.I. Aksiologiya: kontseptsiya emotivizma. Ekaterinburg: UrO RAN, 2007.
9. Nitsche F. Volya k vlasti. Kazan', 1994.
10. Freid Z. Po tu storonu printsipa udovol'stviya // Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M.: Prosveshchenie, 1990. S. 382–424.
11. Fuko M. Volya k istine. M.: Magisterium, 1996.